

Дж.А. Гусенова

**Рецензия на монографию Билалова М.И. «Философия смысла жизни
в ценностных установках современников»**

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 43а; gusenowa03111978@yandex.ru*

В рецензии даётся анализ содержания монографии, посвящённой проблеме философии смысла жизни, рассматривается, как этот ключевой философский вопрос поднимался на различных исторических этапах развития философии. Совершенно очевидно то, что проблема философии смысла жизни раскрывалась в том же ракурсе, что и остальные философские проблемы. Подмечается методологическая оригинальность характера изложения философской проблемы в монографии, где каждая философская система и школа, на которых акцентирует внимание автор, есть, по сути, философские «стоянки» (ступени), которые раскрывают, помимо основных философских вопросов, также и проблему смысла жизни. В ней даны самые разные ракурсы проблемы: натуралистическое толкование смысла жизни, поиск счастья, который предстаёт в качестве важнейшего системообразующего критерия смысложизненных ценностей; попытка объяснить, что такое счастье с точки зрения религии и служения Высшему существу; утилитарное понимание счастья и смысла жизни, философии смысла жизни через философские учения о справедливости, любви, стремлении к власти, к благу, взаимосвязи в нём правды и истины; попытка рассмотреть понятие смысла жизни через свободу в творчестве и другое.

Отмечается также, что постановка содержательного вопроса, касающегося смысла жизни и его поиска в условиях современных тенденций глобализации способствует в современной информационной культуре нивелированию традиционных гуманистических ценностей и индивидуализации стилей жизни с помощью средств массовой коммуникации.

Ключевые слова: *смысл жизни, философия смысла жизни, история философии, «стоянка».*

В 2021 году вышла в свет монография доктора философских наук, профессора Билалова Мустафы Исаевича «Философия смысла жизни в ценностных установках современников». Этот объёмный труд состоит из 6 частей и 25 глав, в которых последовательно раскрывается обозначенная проблема. Монография прежде всего примечательна своей постановкой проблемы и методологической оригинальностью. В качестве своеобразного методологического образца взят мистический путь суфия по достижению определённого духовного состояния, структурированный через так называемые «стоянки» (ступени). Каждая оригинальная философская система и школа – это, по сути, философские «стоянки», на которых сосредоточены основные философские вопросы, в том числе и проблема смысла жизни.

О том, что проблема смысла жизни является одной из ключевых в истории философии, свидетельствует тот факт, что о ней писали ещё в античный период. Подробно это изложено в первой части монографии «Смысл жизни – в самой жизни». Античная философия многогранна, она раскрывает самые разные вариации смысложизненных векторов. В этой связи автор упоминает Диогена Синопского, который «усматривал своё призвание в переоценке ценностей и пришел к выводу, что надо вести аске-

тичный образ жизни, отказаться от материальных благ» (с. 10). В этом в монографии усматривается «выдвижение на первый план духовной составляющей» и «игнорирование материальной стороны жизни» (с. 10). Билалов М.И. отметил, что следование аскетическому образу жизни как сознательному выбору свойственно не только философам, но и далёким от философского поиска людям. К тому же аскетизм не был популярным ни в античный период, ни в наши дни.

Противоположным, альтернативным направлением является натуралистическое толкование смысла жизни, обозначенное в учении Эпикура, который определяет в качестве такового разумную и мудрую организацию «средств достижения удовольствий и наслаждений» (с. 13). Но и эпикурейство небезупречно. В современном обществе эпикурейство приняло различные формы девиации. «Такой идеал жизни угрожает самому будущему России, очевидно, требует основательной коррекции, серьёзного наполнения нравственными и духовными компонентами» (с. 17), – резюмирует автор.

Ещё одно направление – поиск счастья, который предстаёт в качестве важнейшего системообразующего критерия смысложизненных ценностей. Это понятие в философии до сих пор трактуется неоднозначно. Для кого-то оно предполагает продление жизни, полной удовольствий. В истории философии на этот вопрос давались разные ответы. Но счастье, как подчёркивает Билалов М.И., для человека «индивидуально и многообразно» (с. 19), и «подлинное счастье в его разумной деятельности» (с. 21).

Впрочем, на этот ключевой вопрос пытались ответить не только рационалисты. В религиозных трактатах автор обнаруживает попытки дать объяснение счастью с точки зрения религии, но в «земных корнях» (с. 21) оно «частично заключается в мудрости и доблести, частично – в здоровом теле и благополучии судьбы» (с. 21). И такое понимание счастья присутствует не только в христианстве, но и в этическом учении мусульманских мыслителей, в том числе и у Ибн Сины. Окончательно утверждается эта мысль в эпоху Возрождения и Просвещения.

Уже к XVIII веку на фоне утилитаристских настроений эта идея обозначена в качестве главной цели зарождающегося капитализма. Она нашла своё идейно-философское воплощение в антропологической этике Фейербаха. В этой философской концепции счастье трактовалось «как состояние, предполагающее беспрепятственно удовлетворять свои индивидуальные потребности и стремления, относящиеся к его сущности и к его жизни» (с. 23). Такое утилитарное понимание счастья и смысла жизни, как достижение гармонии «индивидуальных и социальных потребностей», дошло и до наших дней (с. 23). Именно в эмпирическом понимании проблемы счастья М. Билалов видит так называемую первую «стоянку» культурного освоения смысла жизни, понятной и доступной основной массе людей, опирающихся в этом вопросе на здравый смысл.

Ещё одну ветвь понимания философии смысла жизни автор усматривает в философском учении о справедливости. Последняя сама по себе содержит неоднозначные трактовки, включающие в себя «понятие чести» (Дж. Роллз), «общечеловеческие ценности» (Е. Карчагин) и др. Чувство справедливости закладывается «уже в семье на уровне обыденных противоречий и конфликтов» (с. 30). Потому для достижения социальной справедливости в России, по мнению автора, необходима новая система целей и ценностей... производство интеллектуальных продуктов, обеспечение качественного образования, ограничение роскоши личной жизни всё раздувающегося класса буржуазии (с. 31–32) в противовес достигшей ужасающих масштабов коррупции.

Не только справедливость, но и любовь рассматривается в монографии в качестве ещё одной грани смысла жизни. «Сама жизнь, – пишет М. Билалов, – в изысканиях философов (Э. Фромм) определила истинные признаки любви – заботу, знание биографии и характера любимого, уважение к нему и т. д.» (с. 33). И это актуально даже в секулярную эпоху Просвещения, «когда прогресс общества и счастье человека усматривают в развитии разума и борьбе с суевериями... людей» (с. 34), а также как источник смысла жизни».

Во второй части «Через познание истины к смыслу жизни» рассматриваются смысложизненные ценности в познавательной культуре. Подмечено, что нравственные и смысложизненные ценности переплетены с элементами познавательной культуры. Эта взаимосвязь зависимости ценностей, смысла жизни, познания и истины берёт своё начало в античной культуре. Сократ не делал различий между мудростью и нравственностью. Он понимал под познанием добродетель, которой «могут обладать лишь "благородные люди"» (с. 38). Придав философии смысла жизни «общественный масштаб», Платон включает ее в контекст социальной философии. А родоначальник исламской философии ал-Фараби писал, что человек «должен по природе своей любить истину и её поборников» (с. 51). Этот вопрос поднимался и в христианстве, и в буддизме, но именно мусульманская традиция отличилась «категоричной претензией на исключительное обладание истиной» (с. 52).

Подробно раскрывается в монографии и позиция родоначальника постмодернизма, француза Мишеля Фуко, который «выделил безумие как исключительно значимую интеллектуальную способность человека в достижении истины» (с. 53). Он ввёл термин *хюбрис* – необузданность – для обозначения так называемых предпороговых форм стихийного сознания, открывающих новые возможности его развития (с. 53). Опираясь на идею Фуко, М.И. Билалов предлагает концептуальную схему познания, «согласно которой истина представляется как эвентуальное знание, а знание – как обретение истины» (с. 54).

Ещё один аспект – *смысл бытия как онтологизированная истина*. Автор отмечает, что «религия, в особенности ислам, придаёт человеку вектор стремления к истине как цели человеческого бытия», представляя истину «как один из объективных атрибутов Всевышнего» (с. 55). Такой подход (онтологизация истины) упоминается не только в самих догматических источниках, но и в богословских трактатах, к примеру, Ансельма Кентерберийского, Павла Флоренского и др., тогда как философия «в основном культивировала гносеологические концепции истины» (с. 55). Автор связывает «смысловое и содержательное насыщение онтологизированной истины в познавательной культуре» с именами таких философов, как Ясперс и Сартр, Гуссерль и Хайдеггер, совершивших «своеобразный переход от мира науки к миру жизни, от мира истины к миру смысла бытия» (с. 56) через отождествление истины со свободой как бытийным атрибутом человека. Ещё Ф. Шеллинг писал, что «сущность свободы есть истина», уточняя при этом: «в Боге, в его неразличимости и тождественности».

Схожей позиции придерживался и М. Хайдеггер, допускавший несколько толкований истины. Он выводил основы свободы через «открытость поведения» – «Истина есть высвобождение сущего, благодаря чему (т. е. высвобождению) осуществляет себя простота (открытость)» (с. 59). Именно в открытости заключены все человеческие отношения. Ему парировал Шеллинг, полагавший что «свобода – это просто определённое качество человека, такое же, как способность познавать мир» (с. 60). И здесь уже «свобода подчиняет себе истину, её возможность обусловлена свободой» (с. 60). По мнению Билалова М.И., этот гуссерлевский «призыв к повороту и возврату к миру жизни, под-

держанный упомянутыми выше философами-феноменологами, радикально изменил философию смысла жизни, что оказалось значимым и для характеристики образа жизни людей. В нём господствуют «безудержный солипсизм», детерминированный воинствующим индивидуализмом, и превращение реальности в кажимость (с. 61–62).

Свой ракурс придаёт философии смысла жизни взаимосвязь правды и истины. При всём различии их духовно-практических истоков в социальной системе эта проблема находится в иной, десакрализованной плоскости, вскрывающей всю глубину неоднозначности этой связи – правды и истины. Если истина всегда нацелена на объективность, то правда – нет, она лишь являет собой социально значимое утверждение, и каждый «обладает своей специфической правдой» (с. 66). Автор неслучайно выводит связь истины и правды в контексте смысла жизни, поскольку в философии критериям лжи и неправды также уделяется пристальное внимание.

Может ли власть быть смыслом жизни? Либо следует держаться подальше от власти?

Смысл жизни, счастье и другие экзистенциальные ценности человека связаны и со стремлением людей к власти. Такой пессимистический настрой автор монографии обнаруживает и в политической философии Н. Макиавелли, не верящего «в позитивные смысложизненные цели человека» (с. 69). В этом проявляется и персоноцентричность философии. Автор отмечает также, что стремление к силе и власти, полагавшее Ницше главным стимулом, у Фуко обретает характер властного стремления к истине» (с. 70). Такой подход объясняется тем, что «реальная духовная атмосфера в обществе так или иначе детерминирует конкретно-исторический смысл жизни человека» (с. 71).

Ещё один аспект философии смысла жизни – проблема свободы в творчестве. Эту мысль автор развивает в одиннадцатой главе монографии. Ситуация пагубного влияния СМИ на умы и сознание людей, по мнению Билалова М.И., дезориентирует их, отвлекает «от своих жизненных целей человека, подталкивает к смыслам, «далёким от подлинных бытийных и культурных оснований личностного становления» (с. 79).

В двенадцатой главе автор возвращается к теме познания и самопознания. Так, у Канта смысл жизни имманентен личности и факторам его образующим, является априорным категорическим императивом, принимающим вид нравственного закона, долга. «Смысл жизни в разумном и нравственном стремлении и достижении счастья» (с. 85). В размещении Кантом всеобщего для личности в трансцендентальный мир в противовес традиции рационализма Декарта Билалов М.И. усматривает новый уровень философского освоения смысла жизни, «стоянку» его философии (с. 86).

У Гегеля обнаруживается продолжение дискуссии о диалектическом сопоставлении единого и общего, субъективного и объективного: «Смысл жизни индивида, его “единобытие” должно соединиться с “субстанциональной целью разума”» (с. 86). При этом он не отождествлял Абсолютный разум с христианским (религиозным) Богом. А. Шопенгауэр, напротив, исследовал «смысл жизни не в его соотношении с разумом, а с такими феноменами, как мир и воля, возведёнными в ранг высшего всемирного творца» (с. 87). По Шопенгауэру, чтобы придать своей жизни смысл, необходимо «избавление от “воли к жизни”», потому что эгоизм делает людей враждебными друг для друга.

Ещё один аспект «Смысл жизни – в служении высшему существу» подробно раскрывается в тринадцатой главе монографии. Здесь «в качестве источника жизненных ценностей и мотивов выступает творческая абсолютная идея или всемогущий Бог» (с. 88). В таком контексте смысл жизни заключается в религии, а точнее, в вере в Бога, а ядром такого сознания и мировоззрения становится вера в священное.

В четырнадцатой главе автор уже более подробно раскрывает религиозный аспект смысла жизни. Смысл жизни человека с христианской точки зрения очень прост – сотворённый Богом человек должен стремиться стать богоподобным, для чего он должен жить в любви к Богу (с. 93). Лишь уверовав в Бога, человек способен обрести счастье и благополучие, вступает на путь поиска смысла жизни и истины. Вместе с тем и христианство и ислам заимствовали из античной философии мысли о божественном единстве истины, добра и красоты. Религия отражает стремление человека к выходу его за пределы земного существования, а в суфизме автор обнаруживает смысложизненный нарратив в сторону самосовершенствования человека – нравственного и социального. Билалов М.И. отмечает, что «исток этой идеи глубинны и связаны вообще с познавательной культурой человечества» (с. 108).

Ещё одна «стоянка» философии смысла жизни формировалась на основе экзистенциальной философии. Здесь смысл жизни «индивидуализируется, экзистенция, единичное человеческое существование обнаруживаются в состоянии страха за свой выбор» (с. 117). А у одного из родоначальников экзистенциального направления философии Ф.М. Достоевского ключевой вопрос о смысле жизни следует рассматривать с точки зрения эсхатологии. Немецкий философ К. Ясперс усматривал смысл жизни «в определении жизненных ориентиров, в осознании индивидом своего места в мире, в восприятии любви, достижении свободы и возможности быть самим собой» (с. 121). Ещё один экзистенциалист Сартр достаточно развёрнуто рассматривает проблемы смысла жизни в духе субъективного подхода. «Не Бог, – пишет Сартр, – а человек в свободном выборе делает себя сам, и он имеет ответственность не только за происходящее вокруг и с собой, но и за выбор идеала подражания» (с. 122).

В противовес экзистенциализму З. Фрейд «придавал особое значение бессознательным инстинктам, половым влечениям, считая их определяющими в становлении индивидуального смысла жизни» (с. 125). Интересные идеи о смысле жизни встречаются у В. Франкла. Так называемая логотерапия В. Франкла ориентировалась на «детальное рассмотрение собственного внутреннего духовного мира» (с. 132). В таком эмпирическом ключе смысл жизни становится доступным каждому, для которого эти поиски – вопрос не только духовного напряжения и познания, но и призвания. Особое значение здесь придается деятельностной активности «человек живёт, чтобы действовать». Эпоха индустриального капитализма и советского социализма внесла свои нарративы в понимание смысла жизни, обозначив приоритетом производственно-трудовую деятельность человека. Такой «человек действующий находит своё интегральное воплощение смысла жизни в принципе "Смысл жизни – в самореализации"» (с. 160).

Что касается постановки содержательного вопроса смысла жизни и его поиска в условиях современных тенденций глобализации, то здесь автор приходит к мнению, что в современной информационной культуре через средства массовой коммуникации происходит нивелирование традиционных гуманистических ценностей, что «приводит к индивидуализации прагматически толкуемого смысла бытия, сводя его на практике к многочисленным конкретным стилям жизни» (с. 199).

Литература

Билалов М.И. Философия смысла жизни в ценностных установках современников. – 2-е изд. – Махачкала: ГАУ РД ИД «Дагестан», 2021. – 232 с.

Поступила в редакцию 26 декабря 2021 г.

UDC 101/128

DOI: 10.21779/2500-1930-2022-37-1-75–80

Review of the Monograph by M.I. Bilalov "Philosophy of the Meaning of Life in the Values of Contemporaries"

Dzh.A. Gusenova

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev, st., 43a; gusenova03111978@yandex.ru

The article analyzes the content of the monograph on the problem of the philosophy of the life meaning, how this key philosophical question was raised at various historical stages in the development of the philosophy. It is quite obvious that the problem of the philosophy of the life meaning developed and was revealed in the same perspective as other philosophical problems. The methodological originality of the nature of the presentation of the philosophical problem in the monograph is noted, where each philosophical system and school, which the author of the monograph focuses on is, in fact, a philosophical "station" that unfolds in addition to the main philosophical questions, including the problem of the life meaning. It contains a variety of perspectives of the problem. This is a naturalistic interpretation of the life meaning, the search for happiness, which appears as the most important system-forming criterion of meaningful life values. These are attempts to give an explanation of happiness from the point of view of the religion, and service to the Supreme Being. This is an utilitarian understanding of happiness and the life meaning, which has survived to this day, as well as an understanding of the philosophy of the meaning of life through philosophical teachings about justice, love, the desire for power, for the good, in the relationship of the truth and the truth in it, considering the meaning of life through freedom in creativity and more.

It is also noted that the formulation of a meaningful question of the life meaning and its search in the context of modern globalization tendencies contributes to modern information culture, through the means of mass communication to the leveling of traditional humanistic values and the individualization of lifestyles.

Keywords: life meaning, philosophy of the life meaning, history of philosophy, «station».

Received 26 December 2021